

891.41
А-163

На правах рукописи

**Абрамовская
Ирина Сергеевна**

**Русская идиллия: эволюция жанра в прозе конца XVIII –
первой половины XIX века**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Великий Новгород

2000

Работа выполнена на кафедре русской классической литературы Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого

Научный руководитель:

О.С. Бердяева

доктор филологических наук,
профессор В.А. Кошелев

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор С.А. Фомичев

кандидат филологических наук
Г.В. Петрова

Ведущая организация –

Тверской государственный университет

07-02098

Защита состоится «30» мая 2000 года в 11 часов
на заседании Диссертационного Совета Д 064.32.01 в Новгородском государственном университете имени Ярослава Мудрого, по адресу: 173014, Великий Новгород, Литовоно, Гуманитарный институт, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки НовГУ (173014, Великий Новгород, Литовоно, Гуманитарный институт, филологический факультет).

Автореферат разослан

«19» апреля 2000 г.

Ученый секретарь
Диссертационного Совета
кандидат филологических наук,
президент

О.С. Бердяева О.С. Бердяева

89/74
А/163.

Общая характеристика работы

Идиллия как литературный жанр была воспринята классицистической эстетикой одновременно с другими жанрами и уже к середине XVIII века заняла достаточно прочное место в русской культуре. Сложилось представление об идиллии как о жанре, воплотившем концепцию гармоничного соответствия человека и мира, в котором он живет. Конкретность и определенная ограниченность тематики обусловили своеобразие жизни жанра в русской литературе, которая, «пресытившись» идиллией в «эпоху чувствительности», вытеснила ее на периферию жанровой системы. Однако жанр продолжал функционировать в русской культуре, никогда не «исчезая» полностью, и в начале XX столетия актуальность идиллии возросла в связи с возрождением интереса к античности и в ее рамках теме «золотого века», получившей новое звучание.

Теоретическое осмысление идиллии, углублявшееся по мере развития эстетики от Сумарокова до Белинского, было прервано во второй половине XIX века и вновь осуществилось уже в теории М.М. Бахтина¹. В советском литературоведении наибольший интерес представляет проблемная статья В.Э. Вацура «Русская идиллия в эпоху романтизма»² (1978), на которую ссылаются современные исследователи (М.В. Иванов, Е.И. Ляпушкина, Е.А. Сурков и др.), включившиеся в процесс изучения пасторальных жанров в 1990-е годы.

Выбор темы реферируемой работы продиктован и общим, и субъективным, авторским интересом к литературному жанру, который в течение длительного времени игнорировало отечественное литературоведение, с другой стороны, выбор предмета исследования созвучен возросшему интересу к быту русской усадьбы как феномену национальной культуры.

Актуальность исследования, таким образом, обусловлена потребностью комплексного изучения явления, разнообразно представленного в истории русской культуры.

В реферируемой работе предлагается рассматривать жизнь литературного жанра в определенный исторический период одновременно на разных уровнях: в своем основном качестве (для идиллии это стихотворная форма определенного содержания), во взаимодействии с другими жанрами (одой, элегией, посланием, повестью, поэмой), в литературной теории, в искусстве и в быте русской усадьбы.

¹ Бахтин М.М. Идиллический хронотоп в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 373-391.

² Вацура В.Э. Русская идиллия в эпоху романтизма // Русский романтизм. Л., 1978. С. 118-138.

Целью исследования является изучение «русской идиллии» как феномена литературной истории и теории, связанного с особенностями русского быта и русского национального мироощущения.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

а) конкретизировать основные типологические черты жанра идиллии, описанные в литературной теории XVIII – первой половины XIX в.;

б) показать особенности функционирования идиллии в меняющейся жанровой системе, что, в свою очередь, обусловлено характером «жанрового мышления» эпохи;

в) проанализировать этапы эволюции идиллии в новой русской повести;

г) раскрыть взаимосвязь и взаимообусловленность идиллии и утопии как литературных жанров.

Для решения поставленных задач автор работы опирается на достижения и принципы классической и современной теории и истории литературы. Методологической основой диссертации являются историко-генетический, типологический, историко-функциональный подходы к явлениям литературы.

Основными историко-литературными и теоретическими источниками являются исследования М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Ю.В. Манна, В.Э. Вацура, Л.Г. Фризмана, Ю.В. Стенника, В.А. Кошелева, В.Е. Хализева, труды ученых, разрабатывающих жанровую теорию: Н.Ф. Копытянской, Л.В. Чернец, Н. Лейдермана, а также авторов сборников «Проблемы метода и жанра» Томского университета.

Научная новизна работы определяется тем, что литературный жанр рассматривается в его обусловленности бытом русской усадьбы и мировоззрением эпохи. В диссертации прослеживается развитие идиллии в новой русской повести с момента становления жанра – последняя треть XVIII в. – и до 1850-х годов. В одном контексте рассматриваются «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя и «Записки охотника» Тургенева. Впервые как утопия, в основе которой лежит идиллия, анализируется «Обитатель предместья» М.Н. Муравьева. Кроме того, делается попытка показать значение идиллии и утопии в структуре книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями».

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы в преподавании истории русской литературы XIX века в вузах, на занятиях по спецкурсам и спецсеминарам.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования были обсуждены на конференциях преподавателей и студентов НовГУ (1998, 1999); на двух Международных научных конференциях «Пушкин и Достоевский» (Новгород Великий-

Старая Русса, 1998; Новгород Великий – Михайловское, 1999). Ее основные положения отражены в четырех публикациях.

Структура работы: работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка использованной литературы. Общий объем работы 176 страниц. Список использованной литературы включает 244 наименования.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы, ее новизна, цели и задачи исследования, структура работы.

Объясняется интерес к избранному временному периоду – конец XVIII - первая половина XIX века, для которого характерна наибольшая активность жанра. Определяется значение усадебного быта как воплощения «русской идиллии», в недрах которой были воспитаны величайшие представители «Русского Парнаса», музыканты, художники, ученые.

Трудности в определении структурных элементов литературной идиллии связаны, прежде всего, с расширительным пониманием термина, на что обратила внимание Е.И. Ляпушкина³: с одной стороны, под идиллией подразумевается определенный жанр, с другой стороны, «идиллия» обозначает тему – гармоничное существование человека и среды его обитания. Такова судьба любого «тематического» жанра, зародившегося в древности: в изменившихся условиях, для которых характерна переменчивость жанрового мышления, трудно говорить о «чистоте» жанра и непроницаемости жанровых границ, поэтому возникла необходимость в литературоведческих категориях, позволяющих более точно описывать явления жанровой жизни – «память жанра» (М.М. Бахтин), «пафос жанра» (Г.Н. Поспелов) и т.п.

В исследованиях об идиллии в основном жанр анализируется как буколический; эти исследования носят дробный характер, то есть рассматриваются отдельные идиллические мотивы в творчестве разных писателей и поэтов, все еще мало работ обобщающего характера. Сложилось общее мнение о «кризисе жанра», его «саморазрушении» и «смерти», знаком чего исследователи воспринимают «Конец золотого века» А.А. Дельвига, хотя поэт, по-видимому, указывает на «конец золотого века русской поэзии», ее блестящего взлета⁴, особого, радостного, полнокровного ощущения жизни.

Дается обзор работ, в которых идиллия является основным предметом анализа⁴.

³ Ляпушкина Е.И. Русская идиллия XIX века и роман И.А. Гончарова «Обломов». СПб., 1996.

⁴ Валуев В.Э. Русская идиллия в эпоху романтизма // Русский романтизм. Л., 1978; Хаев Е.С.

Идиллические мотивы в «Евгении Онегине» // Болдинские чтения. Горький, 1981; его же: Идиллические мотивы в произведениях Пушкина 1820-1830-х годов // Болдинские чтения. Горький, 1984; Сенина Л.Т. Жанровая эволюция идиллии: на материале русской поэзии XVIII – первой половины XIX века.

В первой главе – «Жанр идиллии в русской эстетике XVIII – первой половины XIX века» - рассматриваются труды А.П. Сумарокова, И. Рижского, Н.Ф. Остолопова, В.И. Панаева, А.И. Галича, Н.И. Гнедича и др., в которых содержится определение жанра, наиболее устойчивых его элементов. Выясняется, что данное Сумароковым определение тематики жанра, призванного художественно воплотить быт простых людей, в целом оставалось неизменным. Но предлагались разные принципы классификации жанров буколики, идиллии и эклоги: «иерархический» (Сумароков, Остолопов, Панаев и др.) и родовой (Белинский); идиллия не «привязывалась» к определенной литературной форме, признавалось, что она может «иметь форму оды, гимна, элегии» (В.И. Панаев).

Отсутствие четких жанровых границ указывает на переход от нормативного к более свободному жанровому мышлению, с одной стороны, с другой – заставляет искать причины данного явления в природе самого жанра: он уже в творчестве Феокрита не был ограничен от мима, эпиграмм, эпиллии и пр. жанров буколики.

В реферируемой работе особое значение придается 1820-м годам, когда идиллия оказалась вовлеченной в полемику одновременно по нескольким вопросам: метрические особенности переводных (Жуковский) и русских идиллий (Гнедич, Ф. Глинка); проблема создания героя из простонародной среды; расширение идиллического пространства, т.е. признание возможности изображения русского быта не только поселян, но и городских низов. В спорах вокруг жанра наметилась переориентация русской литературы, искавшей лица «необщее выражение», от изысканной французской литературы в сторону немецкого романтизма. Собственно, споры вокруг гекзаметра, которым Жуковский и Гнедич предлагали писать идиллии, велись с момента появления первых переводов «Илиады» Гомера. Наиболее яркие моменты борьбы – выступления С.С. Уварова, В.В. Капниста, В.К. Кюхельбекера.

В «Чтениях о словесности» (1839) проф. И.И. Давыдова указывается на возможность существования и антологической, и национальной идиллии. Важным этапом в осмыслении жанра являются 1840-е годы, когда появилась статья Белинского «Разделение поэзии на роды и виды» (1841). Принципиально важным представляется указание Белинского на то, что идиллией является стихотворение Пушкина «Будрыс и его сыновья». Это означает, что за идиллией признается право изображать «эпическое сознание», патриархальный быт народа. Именно потому, как отмечает Ю.М. Лотман, «от эпоса XIX века <...> веет духом идиллии»⁵.

Автореф. дисс. на соискание уч. степ. канд. филол. н. Тбилиси, 1990; Баранов С.Ю. Идиллия в творчестве К.Н. Батюшкова // Развитие жанров русской лирики конца XVIII-XIX веков. Куйбышев, 1990.

⁵ Лотман Ю.М. Пути развития русской прозы 1800-1810 гг // Лотман Ю.М. Карамзин. СПб., 1997. С. 359.

В это же время Гоголь обдумывал «Учебную книгу словесности для русского юношества», которая не была завершена. В гоголевском определении идиллии существенно то, что он также не ограничивает содержание жанра описанием сельского быта, и указывает на важное обстоятельство: « <...> идиллия не сказка и не повесть», - пишет он. Сближение названных жанров имеет большое значение, поскольку именно сказка и идиллия стали жанрами, из которых выросла новая русская повесть.

В работе указывается на отличительные особенности эстетики 1840-х годов, которые нашли отражение в полемике, вспыхнувшей вокруг гомеровского эпоса в связи с переводом «Одиссеи» Жуковским. Гоголь в своей статье «Об «Одиссее», переводимой Жуковским», подчеркивая значение этого перевода, трактовал поэму Гомера как патриархальную идиллию. Своеобразие споров славянофилов и западников состояло в том, что вопросы литературные приобретали смысл идеологический.

В теории XVIII - первой половины XIX века дано довольно четкое определение тематики жанра – изображение быта простых людей на лоне природы, подчеркивается противопоставление жизни естественной и гармоничной городской, в частности, светской суете; среди наблюдений над структурой жанра надо отметить важнейшие выводы Войцеховского и Галича об обусловленности изображенного в идиллии характера формами пространства и времени – установка, которую так успешно развил М.М. Бахтин. Достаточно четкое представление сложилось об идеальном ландшафте, основные элементы которого указаны в трактате И. Рижского «Наука стихотворства» (1811), но большинство теоретиков еще не ощущали специфики идиллического времени – в основном это было историческое время, «золотой век». Однако под влиянием Жуковского и Гнедича оформилось сознание, что возможна и «современная идиллия». В результате полемики вокруг жанра определился круг героев: ими могли быть не только эстетизированные пастухи и пастушки, но и жители современного села, и ремесленники, т.е. герои, которые не утратили связи с миром природы. Кроме того, была поставлена проблема соответствия стиля, языка, метрики предмету повествования. Таким образом, доминантным признаком идиллии (как любой другой нарративной структуры) названа тема, а к изменчивым жанровым компонентам отнесены язык, метрика, т.е. весь комплекс характерных черт индивидуального стиля.

Сложности в определении жанровых границ идиллии существовали и были вызваны отсутствием общей жанровой теории, которой и не могло быть в условиях стремительно меняющихся представлений о жанровом каноне. Сложности были обусловлены и особенностями идиллии, которая, не занимая ведущего положения ни в одной жанровой системе,

играла значительную роль в создании русской национальной литературы, национального характера и собственного поэтического языка, а также в умении живописать природу в ее конкретности и разнообразии.

В теоретическом осмыслении жанровой природы идиллии можно выделить три этапа: описательный – в трактатах XVIII и до 20-х гг. XIX в.; аналитический – 1820-е годы, когда предметом полемики стала русская идиллия; синтетический – 1840-е годы. На данном этапе был подведен итог изучению жанра в исследуемый период, определено место идиллии в родовой классификации (идиллия отнесена к эпическим жанрам), указаны новые возможности жанра, вышедшего за рамки пасторали.

Во второй главе – «Новая русская повесть и идиллия» – формулируется вывод о сущности нарративной формы, которую обозначали словом «повесть» в древнерусской литературе, исследуется эволюция повести от первого ее образца («Колин и Лиза» неизвестного автора, 1772) и до «Записок охотника» Тургенева (1846-1852). Из всех разновидностей повести (простонародная, светская, историческая, лирическая) в качестве объекта исследования избрана повесть простонародная, поскольку проблема характера героя «из низов» обсуждалась весьма активно в связи с созданием национальной идиллии и усилившимся в 1830-1840-е годы стремлением «сблизить» литературу и действительность.

Свободная от собственной тематики повесть открыта для осмысления «чужого» содержания, и так называемые «первичные» жанровые структуры становятся «существенными компонентами жанровой содержательности»⁶ в период становления «вторичного» жанра, каким являются и повесть и роман. Для новой русской повести таким «первичным» жанром-основой стала идиллия, популярная в литературе сентиментализма благодаря тому, что заключенная в жанре концепция жизни нашла соответствие в эстетике этого направления. Четкое представление о генезисе жанра дают первые его образцы: «Колин и Лиза» неизвестного автора имеет подзаголовок «сказка», что указывает на определенную связь с «Нравоучительными сказками» Мармонтеля (в работе уделено этому вопросу особое внимание), а П.Ю. Львов, автор повести «Роза и Любим» (1790), указывает на идиллию как на источник своего произведения. Жанровые черты, найденные в первых источниках, после «Бедной Лизы» Карамзина станут восприниматься как канонические. Это определенный сюжет и тип героя, это «идиллический хронотоп». Карамзин завершил процесс формирования повести, построив повествование в соответствии с чувством «соразмерности и сообразности» (Пушкин), подчинив ему поиски на уровне языка, стиля,

⁶ Вершинин Н.Л. Жанровая и стилевая структура русской беллетристики 1830-1840-х годов. Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. док. Филол. н. М., 1997. С. 42.

сюжета и композиции, пейзажа, персонажей, на уровне отношений «автор – текст – читатель». Впервые Карамзиным вводится тема крушения идиллического мира.

Среди повестей, написанных после «Бедной Лизы» («Парамон и Варенька», 1796, «Варенька», 1810, неизвестных авторов; «Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевых гор» В.В. Измайлова, 1804 и др.), выделяется «Марьиная роща» (1809) Жуковского как знак появления нового мироощущения и нового стиля. Мысль о невозможности достижения идеала Жуковский проводит новыми средствами: конфликт повести построен не на столкновении отдельных героев (Мария по собственной воле ушла к Рогдаю), а на противопоставлении двух разных миров – мрачного мира Рогдая и светлого мира земледельцев. Двум мирам в повести соответствуют два стиля, два типа пространственных и временных координат, раздвоенность героини подчеркивается формой имени – Мария – не характерной для деревенской девушки. Своей повестью Жуковский как бы подвел итог развитию жанра, пресытившегося «сентиментальным» содержанием. Тот же Жуковский указал на новые возможности в освоении простонародной тематики, начав переводить идиллии немецкого поэта Гебеля, народные по форме (они были написаны на родном диалекте) и по содержанию.

На следующем этапе развития повести, в 1820-е годы, стала актуальной проблема «достоверности» литературы. Наметилось расширение повествовательной сферы, в связи с чем возникли дискуссии о формах и пределах изображения быта. В.И. Панаев, М.П. Погодин предложили определенную модель крестьянской жизни, обреченной на нищету и страдания. Другой путь – не описание быта, а поэтическое его восприятие – указал Гоголь в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».

В работе отмечено, что на уровне тематическом важнейшими в сборнике являются традиционно идиллические оппозиции: захолустье – большой свет, Диканька – Петербург, вечерницы – светские балы и связанная с высокомерным неприятием «чужого» противопоставленность панича в «гороховом кафтане» «своему» рассказчику. Важнейшую роль играет оппозиция «свое» – «чужое» и в более широком плане: чужой мир связан с миром inferнальным, откуда приходят все напасти. В поэтике «Вечеров» с этим миром связаны элементы фантастики. Он непредсказуем, поэтому опасен и страшен, несмотря на то, что в большинстве повестей цикла фантастические персонажи наделены чертами бытовыми, и в этом Гоголь следует традиции народной смеховой культуры, о чем написано множество исследований. Однако смех, побеждающий «страх и ужас», имеет силу лишь временную. Зло же уже в этом сборнике показано как вневременная, вечная, универсальная сила, постепенно разрушающая патриархальную идиллию. С этой мыслью

связано усложнение пространственно – временных отношений в сборнике. Принято считать, что прошлое, изображенное в «Вечерах», лучше настоящего. Но обратим внимание на то, что самые «страшные» повести сборника говорят о событиях, случившихся именно в далеком прошлом («Вечер накануне Ивана Купала», «Страшная месь»).

Время у Гоголя имеет свойство бесконечно расширяться и, одновременно, «свертываться», когда он описывает сиюминутное событие, имеющее значение лишь в момент развития. Действие во всех «жизнерадостных» повестях разворачивается стремительно, а события исторического прошлого поданы совершенно иначе, в эпической манере, не терпящей торопливости. Бесконечность времени связана с безграничным пространством, «параллельным миром» или так называемым «четвертым измерением», противоположным бытовому пространству, характерная особенность которого – четкая ограниченность. Разного рода пространственным координатам соответствует и время суток: обычно страшные события происходят вечером и ночью.

Традиционно идиллически изображается жизнь хуторян: их заботы связаны с ухаживаниями, любовью, детьми, едой, питьем, работой, отдыхают после дневных трудов на «вечерницах», приобретших ритуальный характер. «Все что ни есть» существует в единстве с природой, и эта гармония подчеркивается сравнениями мира природы с человеком и наоборот. Объединяет хуторян Христова вера, все чужаки подчеркнута иной веры.

Гоголь создал образ народа средствами народной же поэзии (фольклорная традиция осложнена влиянием немецкого романтизма, традицией древнерусской литературы и т.д.), можно утверждать, что он создал свой миф о Малороссии.

Найденный Гоголем в повестях 30-х годов и в «Мертвых душах» (в обрисовке крестьянских образов идиллический пафос является основным, каждый мужик имеет свое занятие и свою судьбу) принцип изображения «героя среды» послужил основой для нового в русской литературе жанра, физиологического очерка, по своей стилистике прямо противоположного повествовательной манере «Вечеров». В реферируемой работе дается описание очеркового повествования и отмечается, что Тургенев, прошедший школу очерка, дал образцы нового стиля и нового жанра. Тургенев в «Записках охотника» «оживил» идиллию (без идеализации), возродив ее первоначальную форму, представил картину жизни русской деревни, соединив быт и высокую поэзию, создав «полную» картину жизни из отдельных разрозненных ее мгновений, и в целом цикл воспринимается как «повесть о жизни».

Тургенев выступил со своими произведениями в тот момент, когда обострился интерес к крестьянскому вопросу и в России, и в Европе. В 1848-1850 гг. в «Сыне Отечества» появились переводы «Шварцвальдских деревенских рассказов» Б. Ауэрбаха. Современная Тургеневу критика отмечала, что возникавшее в разных странах по разным причинам чувство неудовлетворенности настоящим неизменно активизировало интерес к простому народу как общественному слою, «не тронутому цивилизацией», и вследствие этого «сохранившему много свежей наивной внутренней силы»⁷. Три «фазы» в развитии русской протонародной темы – последняя треть XVIII в., 20-30-е и 40-е годы XIX в. – действительно совпали с обострением чувства неудовлетворенности настоящим. В 40-е годы на смену романтическому «разочарованному» сознанию пришло активно критическое мировосприятие, неотъемлемой чертой которого был анализ действительности.

В работе дается сопоставительный анализ «Записок охотника» и «Вечеров на хуторе близ Диканьки», проводится мысль, что Тургенев построил свой цикл по принципу «притяжения – отталкивания» по отношению к «Вечерам». Так, принципиально иначе решается проблема автора: у Тургенева это сторонний наблюдатель, равно пристально вглядывающийся в жизнь природы и человека и невольно сравнивающий их. В «Вечерах» автор является частью описываемого мира. Различно названы произведения: у Тургенева в основном они носят имена героев, что указывает на позицию автора, описывающего не народ «вообще», а индивидуальных его представителей, названия гоголевских повестей, в основном, указывают на место или время действия. Рассказ «Татьяна Борисовна и ее племянник» по своему названию близок повести Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», но внешнее сближение оказывается мнимым. Психологизм и индивидуализация являются принципами создания характера в творчестве Тургенева; Гоголь придерживался метода предельного обобщения. Существенно изменена по сравнению с «Вечерами» функция фантастики: она появляется в рассказе «Бежин луг» в форме «страшных» историй и становится частью только детского сознания. Это признак «взросления» изображенного мира и признак перехода литературы на следующую ступень своего развития.

Композиция цикла свидетельствует о значительной роли жанра идиллии в его концепции. Начинается цикл с рассказа «Хорь и Калиныч», в котором дана картина патриархальной идиллии, завершается – видом полнокровной, изобильной, прекрасной жизни природы в разное время года. В центре находится рассказ «Певцы», в котором показана и вся красота человека, и все его убожество. Соседство с рассказом «Смерть»

⁷ И.С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. Л., 1990. С. 47.

имеет определенный смысл: тема смерти, могилы, стала частью идиллического мира, изображается жизнь, балансирующая между бытием и небытием. Русский человек умирает, «словно обряд совершает: холодно и просто», замечает писатель, и трактовка смерти как естественного конца соответствует идиллической трактовке.

В письме П. Виардо Тургенев указал на связь «Певцов» с эпосом Гомера и живописью Теньера⁸, подсказав возможную трактовку рассказа как традиционную, античную в своей основе идиллию, решенную современными средствами: фламандская живопись привлекала внимание русских литераторов своим умением описывать «низкий» быт.

«Притынный» кабак в селе Колотовка находится «у самой головы оврага», рассекшего холм и зияющего, «как бездна». В этом кабаке собрались послушать пение самые разные люди. Тургенев детально описывает унылый ландшафт, нарочито деидеализированный, всматривается в лица, повадки присутствующих, как бы останавливая время. Кульминацией рассказа стало описание состязания певцов. В этот момент разные люди пережили одно общее для всех потрясение, свершилось то, о чем мечтал Гоголь, - все одновременно пережили «очищение», ради которого существует искусство. Через несколько часов автор увидел те же лица в совершенно ином состоянии - «все было пьяно».

Пристально вглядываясь в современность и фиксируя отдельные моменты «всей громадно несущейся жизни» (Гоголь), Тургенев пытался постичь целесообразность происходящего по отношению к вечно прекрасной и «самодостаточной» жизни леса и степи. Противопоставление «идиллического» и «антиидиллического» в концепции «Записок охотника» позволяет делать вывод о возможности разного «исхода» из того кризиса, в котором оказалось русское общество 40-50-х гг. XIX века. «Записки охотника» Тургенева подводили итог всему предыдущему периоду в развитии народной темы и, одновременно, как указал Салтыков-Щедрин, «положили начало целой литературе, имеющей своим объектом народ и его нужды»⁹. Решая проблему создания народного характера в дальнейшем, русские литераторы прибегали и к «мифопоэтической» и к «реалистической» системе образности. Во второй главе, таким образом, исследуется «низовое», «бытовое» воплощение литературной идиллии.

Третья глава - «Идиллия в структуре утопии» - посвящена высшей форме воплощения идиллического сознания, когда идиллия ведет в Элизиум человека, «для которого нет уже возврата в Аркадию» (Шиллер). Утопия дает идеальную модель мира, организованного в соответствии с

⁸ Тургенев И.С. Собр.Соч в 12 т. Т. 12. М., 1958. С. 97.

⁹ Щедрин Н. (М.Е. Салтыков). Полн. собр. соч. Т. 15. М., 1940. С. 612-613.

представлениями автора об общественной, нравственно-этической и эстетической норме. Эта концепция близка той, которая содержится в жанре идиллии, но надо отметить и существенное различие между жанрами: идиллия изображает быт «малой группы», утопия воплощает образ идеального государства. Утопия, как и идиллия, не закреплена за определенной структурой и принимает форму романа-воспитания, романа – путешествия, драмы, поэмы, оперы и т.д. Русские утопические произведения, построенные по аналогии с западноевропейскими образцами, появились с XVIII века. Это «Сон «Счастливое общество» А.П. Сумарокова (1759), «Путешествие в землю Офирскую» М.М. Щербатова (1784), «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева (1790) и др. Повесть М.Н. Муравьева «Обитатель предместья» (1790), написанная в форме дневника, не анализировалась как произведение утопического жанра, хотя в ней Муравьев изображает мир, которого «не было», но в котором, как он считал, возможно осуществление нравственно – этического идеала.

Муравьев последовательно выстраивает свой идеальный мир из кусочков действительности (случайные встречи, поездки к друзьям, беседы у камина). Однако впечатления фрагментарности бытия нет, создается целостная картина жизни общества на всех уровнях – социальном, гражданском, на уровне частных отношений и личной жизни. Одним словом, Муравьев создает свою мини-утопию.

Эпиграф из Горация указывает на корни мировосприятия автора, но Гораций ограничил свой мир «внеобщественными проявлениями личности», а Муравьев показывает возможность идеального сочетания всех форм жизни человека. Вводится мотив «усединения» как особой связи с миром природы. Впервые в русской литературе именно в этом произведении появляется «пленэр» и пейзаж, психологически окрашенный. Намечена связь с идиллией и элегией, что свидетельствует о взаимовлиянии и взаимообогащении поэзии и прозы. Ю.М. Лотман увидел этот процесс в творчестве Карамзина, но уже творчество Муравьева является ярким примером взаимодействия малых поэтических жанров с повестью, в формировании которой они сыграли определенную роль и благодаря этому сближению изменились сами. В повествовании от 13 сентября использованы мотивы из разных лирических жанров: прославление русского оружия одического характера, патриархальная картина единения всех жителей предместья решена в стиле идиллии. По законам этого жанра Муравьев конструирует свой мир: предместье отделено от города лощиной, дом находится в конце улицы и, одновременно, в центре пространства, замкнутого со всех сторон. В этом мирке есть все необходимое для жизни – плодородные поля, чистая вода, свежий воздух, наполненный приятными запахами, разнообразные

растения. Малое пространство вобрало в себя весь мир. В записях от 4 октября описана патриархальная семья земледельца. Весь «идиллический комплекс» налицо – преемственность поколений, труд, добродетельный образ жизни, самодостаточность (многочисленная семья составила собой все население деревни), гостеприимность.

Идиллия Муравьева перерастает границы предместья и приобретает значение государственной утопии в главе шестой, где дается картина всеобщего благоденствия и целесообразного устройства общества, в котором земледельцы заняты пополнением житницы государства, обозы с товарами идут по назначению и т.д. Каждый член общества занимает свое функционально значимое место в системе взаимоотношений. Всех объединяет чувство патриотизма, общие праздники, общие могилы, общая вера.

Движение художественного времени от пятницы к пятнице дискретно и, одновременно, циклично. Грамматическое настоящее время, характерное для дневника или путевых заметок, переходит в прошедшее, когда автор говорит об истории или вспоминает о прошлом. Круг времени – от пятницы к пятнице, от лета к осени, от дедов к внукам, от настоящего к прошедшему, к истории, вновь настоящее. Круг пространства – дом, ландшафт вокруг дома, дорога в Никольское, Берново – дом. Исторический и историко – культурный контексты активно функциональны: вводится примета современности – мир со Швецией, подчеркивается приверженность европейской культуре – древние и современные авторы соседствуют на книжных полках. «Присутствие» времени в повести не случайно. Муравьев одним из первых русских поэтов начал изображать времена года и время суток, стремясь постичь сущность и целесообразность движения в природе и в человеческой жизни.

Таким образом, повесть Муравьева как бы вбирает в себя несколько разновидностей идиллии: сельскую, патриархальную, семейную, идиллию «единения», и создает свою идиллию-утопию, воплотившую идеал государственного устройства.

В работе рассматриваются более поздние, незавершенные опыты Муравьева – «Эмилиевы письма», отрывки: «Осень», «Феона», «Утро» и др., в которых нарисована картина идеального усадебного быта.

Письма Муравьева и все его творчество позволяют сделать вывод, что нравственный, эстетический и социальный идеал писателя вырос на родной, российской почве, обильно удобренной европейской культурой. В результате этого синтеза образовался особый феномен – русская усадьба, «сложнейший экономический и эстетический комплекс», выполнявший мировоззренческие функции: «образ удаленного от «неволи душных городов» двухэтажного дома около пруда со старинным парком

связывался с просветительским представлением о «естественном» человеке, живущем в «свободной» среде»¹⁰. Упомянутое в «Обитателе предместья» Никольское, по предположению М.В. Строганова, новоторжское имение Н.А. Львова. Оно описано в работе А.Н. Греча «Венок усадьбам» (Памятники Отечества, 1994, № 32). Усадебный идиллический быт воспитывал не только «домоседов», но и «странствователей», которые, как пушкинский Владимир («Роман в письмах»), ужасались дикостью помещичьих семейств. Вся русская литература XIX века, по преимуществу, занималась разоблачением этой дикости, и усадебная утопия Муравьева, как усадебная поэзия, оставалась в стороне от читательских интересов.

Стремление представить концепцию исторического развития России стало характерной чертой русской жизни, особенно после войны 1812 года, объединившей нацию. Возникает потребность в многотомной истории, в определении национального характера, формируется представление об особой «миссии» России, о «провиденциальной» судьбе. Приметы этой судьбы искали и Муравьев и, позднее, Гоголь в настоящем, поскольку, как считал Гоголь, «прескрасное будущее» нужно строить из того материала, который есть под рукой.

Обращение к «Выбранным местам из переписки с друзьями» в реферируемой работе продиктовано стремлением разобраться в сложной жанровой структуре книги, в которой сочетаются разные стили, и рядом с «завещанием» помещается статья о поэзии, слово проповедника облекается в форму писем к частным лицам. В письме Жуковскому Гоголь сам указал на основной пафос книги (и сам себя за него осудил): «В самом деле, не мое дело поучать проповедью <...>»¹¹. На связь «Выбранных мест» с учительной традицией обратил внимание С.А. Гончаров, отметивший возросший потенциал каждого гоголевского слова¹². Однако «проповедью» содержание переписки далеко не исчерпывается. И Гончаров, и Ю.Я. Барабаш указывают как на черты, не свойственные традиционно учительному стилю – на сочетание исповедального и проповеднического начал, самоанализа и поучения, покаяния и наставления¹³.

В сложной структуре книги отражено противоречивое единство двух разных позиций – проповедника и художника. О том, что Гоголь оставался, в первую очередь, художником, свидетельствует тщательно продуманная композиция книги, особое значение, которое он придает

¹⁰ Кошелев В.А. Лирика Фета и русская «усадебная поэзия»: К постановке проблемы // А.А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 19-20.

¹¹ Гоголь Н.В. Собр. соч. Т. 6. М., 1994. С.239.

¹² Гончаров С.А. Творчество Н.В. Гоголя и традиции учительной культуры. СПб., 1992.

¹³ Барабаш Ю.Я. Гоголь и украинская барочная проповедь // Известия АН. Серия лит. и языка. 1992. Т.51. №3.

литературе в жизни общества, популярная форма письма, обращение к литературным жанрам – идиллии и утопии.

Особое место в гоголевской системе возрождения общества отводится «Одиссее», переводимой Жуковским, поскольку в ней изображалась жизнь спокойная, простая, «младенчески» наивная. «Детское» отношение к миру человека «золотого века» особенно ценно для Гоголя, сближавшего это качество с евангелиевской трактовкой детства. Среди ценных черт обрисованного Гомером порядка Гоголю близка картина уважения власти и начальников, уважение к человеку «как представителю образа Божия», вера участия высшего божества во всех помыслах человека. Кроме того, Гоголь считал, что поэма послужит развитию вкуса у современных поэтов, а перевод ее будет способствовать развитию русской речи и т.д. Комментируя поэму таким образом, Гоголь знакомил читателей со своей программой: это русское общество должно было вспомнить свои национальные обычаи, свой язык, пересмотреть отношение к власти.

Представленная как идеал человеческого в человеке, идиллия «Одиссеи» (а именно как патриархальную идиллию трактовал ее Гоголь) стала основой гоголевской социальной утопии. В этом его позиция близка позиции Муравьева, также видевшего в «золотом веке» и творчестве Гомера примеры высокого искусства, способного воздействовать на современников. Перевод «Одиссеи» не только оживил древнюю историю, но стал знаком сближения двух эпох русской истории – «века чувствительности» и 1840-х годов. Симптомами этого сближения стали явно усилившиеся в творчестве писателей (Тургенева, Достоевского) 40-х годов традиции сентиментальной литературы. Среди мотивов, общих для произведений Муравьева и Гоголя, в работе названы мотивы «уединения», патриархальных отношений между помещиком и крестьянином. Но уединение для Гоголя не форма жизни, а способ внутреннего обновления, в деревенской теме также появился новый акцент – крепостнические отношения идеализируются, поскольку они воспринимаются Гоголем как меньшее по сравнению с влиянием западной промышленной цивилизации зло. «Потому-то путь действительной отмены крепостного права (а не подмены его зависимостью еще худшей) видится Гоголю прежде всего в постепенном превращении дворянских имений в монастырские, где задача спасения души занимает уже в действительности подобающее ей главное место в жизни человека»¹⁴. Идея преобразования жизни в соответствии с монастырским уставом глубоко занимала Гоголя, и не только в плане умозрительном. Незадолго до смерти он написал «Совет сестрам», в

¹⁴ Воропаев В.А., Виноградов И.А. Духовное наследие Гоголя // Гоголь Н.В. Собр. соч. в 9 т. Т.6. М., 1994. С.417.

котором просил их претворить в жизнь эту идею (превратить в монастырь собственное имение), если они не выйдут замуж. То есть предлагалось усадьбу с ее разнообразными интересами преобразовать в моноструктуру, организованную по совершенно противоположным законам. В целом жизнь монастыря самодостаточна. Во всяком случае, она задумана как духовная идиллия: уединение, покой, внутренняя молитва, ограничения во всем, что касается плоти. В монастыре определенным образом распланировано пространство: от самой малой единицы его – кельи, до самой большой – территории монастыря со всеми постройками, представляют собой замкнутые территории. Монастырь избавляет всякого живущего в нем от множества проблем, возникающих в миру, жизнь человека приобретает совершенно иной смысл, каждый в общей монастырской жизни имеет свою, четко обозначенную функцию, и освобождается от личного начала, из-за которого возникают порочные страсти и заблуждения. Все многообразие жизни свертывается в один образ – этим утопия Гоголя в корне отличается от утопии Муравьева, ориентированной на разнообразный, полифоничный мир усадьбы, вбирающий в себя и культуру, и духовность, и, одновременно, ему не чужды плотские удовольствия. Это мир семьи, то есть, в первую очередь, детский и женский мир, к которому у Гоголя сложное отношение. Однако именно с женщиной, ее благотворным влиянием связывает Гоголь возможность преобразования общества.

В «Выбранных местах» Гоголь завершил то, что задумал, работая над «Мертвыми душами»: в каждом письме он рисует картины современного Ада, указывает – как на способ борьбы с нечистой силой – на духовное совершенствование через очищение (Чистилище) и создает образ идеального государства, построенного на основе любви (Рай).

Утопия Гоголя охватывает духовную, эстетическую, социальную сферы жизни. Православная *Вера* наполняет духовную жизнь, складывающуюся из очистительной молитвы и покаяния, борьбы с искушением, умения учиться и поучать личным примером. Постоянное духовное совершенствование должно было привести к обновлению человека и его спасению от «страхов и ужасов». В этой борьбе *Надежда* возлагается на сферу эстетическую: поэты должны воздействовать на людей, играть роль духовных наставников, что может осуществиться при синтезе трех «самородных ключей»: народной песни, пословицы и слова церковных пастырей. Только при этом условии, считает Гоголь, искусство выполнит свою миссию посредника между Богом и человеком, послужит «общему делу» духовного совершенствования. Синтез мирской культуры и религии должен, по Гоголю, «образовать особое духовное искусство, словом преобразующее жизнь»¹⁵. Гоголь видел в искусстве

¹⁵ Гончаров С.А. Творчество Н.В. Гоголя и традиции учительской культуры. С.146.

«мировтворческие возможности», а в русской литературе особо ценил постоянно присутствующую «идею Бога». Мысли о создании «синтетического» искусства занимали не только Гоголя, они возникли в теории немецкого романтизма и преследовали цель найти способы более действенного воздействия на сознание человека. Интересовались проблемой «синтеза» и славянофилы, причем отец и сын Аксаковы по-разному относились к ней. С.Т. Аксаков, обеспокоенный тем, как воспринял книгу Гоголя И. С. Аксаков, писал: «Говоря о примирении искусства с религией, он всеми словами и действиями своими доказывает, что художник погиб в нем»¹⁶.

Большое значение Гоголь придавал театру в силу его возможности воздействовать на значительное количество людей одновременно.

Сферу социального устройства Гоголь представляет в виде пирамиды: у основания – народ, на вершине – царь, посередине все сословия и должности, каждый член общества функционирует на своем месте. *Любовь* возносится снизу вверх, от крестьянина к помещику, от одного чиновника к другому, и вся любовь направлена на самый верх – к монарху, который передает ее Богу, изливающему свою любовь на всех людей. В основе этого образа лежит увлечение трудом Иоанна Синайского «Лествица, возводящая на небо». Постоянное, упорное стремление вверх – единственная возможность пережить Апокалипсис и обрести Царствие Небесное, как считает Гоголь.

Книга Гоголя выросла из православия – учения, которое стало основой русского национального сознания, утопического по преимуществу, постоянно занятого поиском своего «пути» в истории, в культуре, строительством «своего» дома. Гоголь создал цельную картину настоящего и будущего «своего дома», России, представив все социальные структуры и указав на пути их совершенствования; в основе строительства нового государства Гоголь видит дорогие для каждого православного понятия – Веру, Надежду, Любовь, которые оказываются в одном контексте с «Одиссеей», и аскетичность монастырской жизни предлагается соединить с идеей о «золотом веке», воплотившей самые прекрасные проявления «телесности».

Среди известных утопических произведений выделяются пространственные, рисующие идеальные государства, находящиеся в вымышленном «месте», или «временные», отнесенные к вымышленному историческому периоду, либо, как «Обитатель предместья», рисующие идеализированное настоящее. Гоголь дал образец «утопии пути», указав на способы достижения идеала, воплотившего древнюю патриархальную идиллию.

¹⁶ Аксаков С.Т. Собр. соч. в 4 т. Т.3. М., 1956. С. 315.

В *заключении* работы подводятся основные итоги исследования. Изучение жизни жанра в культуре конца XVIII – первой половины XIX века показало, что идиллия занимала достаточно прочное место в эстетике и литературном творчестве, это один из самых функционально активных жанров в новой русской литературе. Жанр обладает устойчивыми семантическими и структурными признаками, но в творчестве разных писателей (художников, композиторов, архитекторов) и в разные эпохи он способен меняться в достаточно широком диапазоне (небольшое по объему стихотворение, повесть, роман, утопия; так называемая «жанровая живопись», пасторальная симфония, усадебная архитектура и пр.). Неустойчивые формы жанра разнообразны. Это, прежде всего, черты индивидуального стиля или стиля эпохи – языковые средства, стихотворный размер, мотивы сюжета, позиция автора («вне» текста или «внутри» текста, объективная, нейтральная, или оценочная). Анализ творчества писателей в связи с «поисками жанра» высвечивает, порой, неожиданные аспекты этого творчества и жизни жанра в изменяющемся мире, что автор работы и попытался показать на примерах творчества писателей – сентименталистов, М.Н. Муравьева, Н.В. Гоголя, И.С.Тургенева.

Основные положения диссертации отражены в печатных работах:

1. Карамзин – Пушкин – Достоевский. Три вариации идиллического сюжета // Пушкин и Достоевский: Материалы междунар. конфер. Новгород Великий – Старая Русса, 1998. С. 90-93.
2. Жанровые характеристики русской сентиментальной повести // Первые опыты. Сб.ст. Великий Новгород, 1999. С. 126-129.
3. Утопия М.Н. Муравьева // «Чужое: мое сокровище!». Литературоведческий сборник к 50-летию Вячеслава Анатольевича Кошелева. Великий Новгород, 2000. 0, 6 п.л. (В печати).
4. Содержание понятия «идиллия» в эстетике первой половины XIX века // Вестник Новгородского государственного университета. Серия «гуманитарные науки». №15. 2000. 0,6 п.л. (В печати).

Подписано в печать 13.04.2000 г. Формат: 60x84/16
Усл. п. л. 1,25, тираж 60 экз. Заказ № 78
Отпечатано ЗАО «Новгородский Технопарк»,
Великий Новгород, Б.С-Петербургская, 41. Тел./факс: (816 22) 2-76-83
лицензия ПЛД №56-39 от 17 декабря 1999 г.

2098²⁰ 1/18 21